

Илья Юров

ХОДЯЩИЕ ВДВОЁМ

КНИГА ПЕРВАЯ

БОЛОТО

ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ СТРАХА

Илья Юров

Ходящие вдвоём

<https://litres.ru/74182514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Трансильвания, годы спустя после пожара в Тирнейме. Калина, дочь плотника, встречает в болотах Хора — существо с крокодилей плотью и человеческой болью. Его создали вампиры как оружие, но он сохранил способность бояться, выбирать и любить. Их союз вызывает ненависть людей, ярость волколаков, интерес Высших и внимание Ходящих — существ, питающихся памятью. Чтобы выжить, Калине и Хору придётся пройти через кровь, вину пастора, сделки с ночными тварями и цену свободы, после которой счастливый финал уже не бывает без боли.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ходящие вдвоём

Глава

ХОДЯЩИЕ ВДВОЁМ

Роман. Готическая драма. Тёмное фэнтези

Оглавление

Пролог. Земля, где ночь старше людей

Глава 1. Калина

Интерлюдия I. Тирнеймские страхи

Глава 2. Ночная трясина

Глава 3. Имя из тумана

Глава 4. Треснувшая память

Интерлюдия II. Клетка под горой

Глава 5. Ловцы и соль страха

Глава 6. Ходящие

Интерлюдия III. Совет троих

Глава 7. Первый Высший. Кровь волка

Интерлюдия IV. Тот, что ниже

Интерлюдия V. Закон стаи

Глава 8. Пепел под ногтями. Дорога домой

Глава 9. Дом Марьи

Интерлюдия VI. Марья

Интерлюдия VII. Хутор заражённых

Глава 10. Беззрачная. Ночь всех долгов

Глава 11. Там, где заканчивается плоть

Глава 12. Дорога без карты

Интерлюдия VIII. Тёплая вода

Глава 13. Дети Спящего

Эпилог. Дыхание на воде

ПРОЛОГ

ЗЕМЛЯ, ГДЕ НОЧЬ СТАРШЕ ЛЮДЕЙ

Трансильвания тех лет была краем, где ночь не просто наступала, а поднималась из земли, как поднимается со дна пруда муть, стоит опустить в воду весло. Она выходила из болот, из щелей между камнями, из заброшенных колодцев и из памяти тех, кто слишком долго молчал. Днём люди в деревне Тирнейма пахали, латали крыши, сушили травы и делали вид, что мир понятен, — потому что в понятном мире можно было хотя бы притвориться, что знаешь, где заканчивается двор и начинается опасность. Ночью они сыпали соль под пороги, вешали полынь над дверями и запрещали детям отвечать на зов из леса, и запрет этот с каждым поколением произносился всё тише, всё привычнее, как молитва, смысл которой давно забыт, а слова всё ещё держат дом от беды хотя бы на словах.

Деревня стояла между пихтовыми склонами и старым болотом, которое никто не называл по имени, — а то, что не называют, обычно боятся сильнее названного. Вода там была чёрная, тяжёлая, без отражений, будто сама поверхность отказывалась показывать небо тому, кто рискнул наклониться слишком низко. Старики говорили, что в ней тонут не только тела, но и слова: сказанное у края трясины иногда не долетает до уха собеседника, а остаётся там, в ряске, дожидаясь, пока его подберёт кто-то другой, менее человеческий. Иногда на берегу находили ржавые цепи, обломки железа и следы, слишком большие для человека. Тогда пастор Михаил Брадеан служил внеочередную молитву, а ловцы нечисти укрепляли на плечах тёмные ленты — и деревня выдыхала на день-другой, убеждая себя, что опасность отступила, а не просто сменила русло.

Но настоящими хозяевами этих мест были не люди. В горах жили вампиры — Высшие, древние, холодные, привыкшие считать жизнь материалом, из которого можно кроить нужную форму, как кроят кожу для сапог, не спрашивая коровьего согласия. В лесах двигались волколаки, не всегда звери и не всегда люди, хранившие свой собственный, куда более древний закон крови, о котором в деревне знали только по обрывкам страшных сказок. А в глубине трясин скользили Ходящие — безликие существа, питающиеся памятью, о которых не рассказывали детям даже для остротки, потому что произнесённое вслух имя, по слухам, могло

стать приглашением, а приглашения такого рода не отменяются раскаянием.

В Тирнейме верили в границы. Человек должен оставаться среди людей. Зверь — в лесу. Мёртвый — под землёй. Чудовище — за туманом, чтобы его можно было ненавидеть, не разглядывая: ненависть на расстоянии всегда даётся легче, чем ненависть, которой пришлось бы посмотреть в глаза. Так жили поколения: бедно, сурово, зато с уверенностью, что мир делится на своё и чужое, и что от этого деления можно защититься солью, пылью и правильно произнесённой молитвой.

Пастор Михаил Брадеан служил в Тирнейме дольше, чем помнило большинство живущих. Старики рассказывали — редко, шёпотом и только своим, — что когда-то у пастора была жена, что она умерла в огне и что с той поры он стал другим: твёрже, темнее, безошибочнее в поиске виноватых. Молодые не верили: для них Михаил всегда был таким — серым, каменным, с крестом, от которого хотелось отвести глаза. Правды не знал никто, а те, кто догадывался, давно поняли, что догадка в этих краях — груз, который разумнее не поднимать, потому что поднятое приходится нести, а несущего видно издалека.

Земля вокруг Тирнеймы помнила больше, чем её жители. Помнила старые капища под корнями пихт, засыпанные ещё до первой церкви. Помнила римские камни на юге, у тёплых источников, где когда-то мылись солдаты империи, не подо-

зревая, кто наблюдает за ними из тумана. Помнила дороги, по которым уходили в горы те, кого деревни отдавали в счёт долгов, о которых теперь не говорят. У земли не было языка, чтобы рассказывать, — но были болота, и в болотах жили те, кто собирал чужую память по капле, век за веком, как скупец собирает монеты, не тратя ни одной.

А ещё глубже болот, там, куда не заглядывали даже Ходящие, лежало нечто, для чего не находилось ни имени, ни формы, ни даже подходящего числа, чтобы измерить его древность. Вампиры называли себя Высшими и гордились своими тремя веками; волколаки мерили время лунами и поколениями стаи; Ходящие вовсе не мерили его никак, растворяя часы и годы в бесконечном, ровном настоящем. Но и они — все три породы ночных хозяев этого края — были не более чем поздними, торопливыми жильцами дома, чей истинный владелец спал где-то в самом основании, слишком терпеливый, чтобы интересоваться теми, кто топчет наверху.

Эта уверенность начала рушиться в ту осень, когда Калина, дочь плотника Иона, вышла ночью за последние огороды и не вернулась до рассвета. Одни позже скажут, что её околдовали. Другие — что она сама позвала беду, потому что слишком долго смотрела в сторону леса вместо того, чтобы посмотреть под ноги, как положено скромной девушке. А старуха Онисия, единственная, кто не любил простых объяснений, скажет иначе: не тварь нашла девушку, а две одиноч-

ные боли узнали друг друга в тумане, — и добавит, понизив голос, что боль всегда узнаёт своего быстрее, чем радость, потому что радость слепа, а боль привыкла всматриваться в темноту.

Так началась история Калины и Хора — человека в чудовищной плоти, созданного вампирами как оружие, но сохранившего то, что оружию иметь запрещено: страх, память, нежность и способность сказать «нет».

Это не история о том, как любовь побеждает тьму, — тьма в этих краях слишком стара, чтобы её побеждали, у неё за плечами века, а у любых двоих влюблённых — самое большее, жизнь. Это история о том, как двое учатся нести тьму вместе, не позволяя ей решать за них, кто чудовище, а кто человек. Начиналась она, как и полагается таким историям, не с грома и не со знамения, а с самого обыкновенного вечера, когда девушке стало слишком тесно в доме отца — и она вышла за порог, ещё не зная, что порог этот окажется границей куда более широкого мира, чем тот, что помещался в границы Тирнеймы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.